

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

DOI 10.15826/koinon.2021.01.1.003

УДК 323.1(470) + 332.12(=411.16) + 323.14

«ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ МАЯТНИК» И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАЛИНСКОГО АНТИСЕМИТИЗМА В СССР

Э. А. Паин

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

Аннотация: В статье метафора «маятник» используется для анализа государственного антисемитизма сталинского времени как модели советской национальной политики, направленность которой была подвержена постоянным и радикальным переменам в силу беспрецедентно больших возможностей проявления субъективизма и политического произвола в государственном управлении. Автор проверяет свою гипотезу о том, что такой антисемитизм был не столько проявлением ксенофобии по отношению к определенной этничности (к евреям), сколько инструментом политической технологии, используемой по отношению к разным этническим общностям и политическим персонам. Объясняется сущность понятия «этнополитический маятник». Последовательно раскрываются основные исторические этапы отношения сталинского режима, его политики по отношению к евреям: от в целом нейтрального и даже позитивного отношения до Второй мировой войны к постепенному скрытому нарастанию негативного отношения и дискриминации в период Великой Отечественной войны и все более откровенно и открыто антисемитскому курсу после войны, вылившемуся в жестокие

репрессии против видных представителей еврейского этноса во всех сферах общественной жизни (армии, промышленности, науке, искусстве). Однако в рамках этой тенденции этнический маятник, руководимый логикой политической целесообразности, продолжал работать, иногда совершая обратные движения в сторону сдерживания антисемитских шагов власти.

Ключевые слова: этничность, национальная политика, государственный антисемитизм, ксенофобия.

Для цитирования: Паин Э. А. «Этнополитический маятник» и его проявления в политике государственного сталинского антисемитизма в СССР // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 1. С. 61–80. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.003

THE “ETHNO-POLITICAL PENDULUM” AND ITS MANIFESTATIONS IN THE POLITICS OF STATE STALINIST ANTISEMITISM IN THE USSR

E. A. Pain

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: In the article, the author uses the metaphor of the "pendulum" to explore the state antisemitism of the Stalinist period as a model of Soviet national policy, whose direction was subject to constant and radical changes by virtue of the unprecedented opportunities for subjectivism and political arbitrariness in public administration. The author tests his hypothesis that such antisemitism was rather an instrument of political technology, utilized towards different ethnic communities and political personalities than a manifestation of xenophobia towards the established ethnicity (to the Jews). The author explains the essence of the concept of an ethno-political pendulum. He consistently reveals major historical phases of the Stalinist regime's attitude and its policy towards Jews: from a broadly neutral and even positive attitude before the Second World War to the gradually hidden increase in negative attitudes and discrimination during the Great Patriotic War and the increasingly frank and open antisemitic stance after the war. This resulted in brutal repression against prominent representatives of the Jewish ethnic group in all spheres of public life (army, industry, science, art). However, within the framework of this trend, the ethnic pendulum, guided by the logic of political expediency, kept on working, sometimes making return motions towards curbing the antisemitic steps of the authorities.

Keywords: ethnicity, national policy, state anti-Semitism, xenophobia.

For citation: Pain, E. A. (2021), “The “Ethno-Political Pendulum” and its Manifestations in the Politics of Stalinist Antisemitism in the USSR”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 61–80 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.003

Вводные замечания

Волнообразный характер этнополитических процессов не раз проявлялся как в мировой, так и в российской истории. Значительные колебания характерны и для одного из фрагментов таких процессов, национальной политики — комплекса доктрин и действий государства по отношению к различным народам (национальностям), проживающим на территории страны. Противоречивость присуща внутренней природе национальной политики любого государства, хотя бы потому, что в этой сфере соединяется неизбежность поддержания универсального законодательства (общего для всех подданных или граждан) и противоположная необходимость — учета, в той или иной мере, культурного многообразия населения. Уже древнейшие государства Месопотамии и Египта вынуждены были время от времени менять свою политику по отношению к меньшинствам и этническому большинству; переходить от политики централизации к политике автономизации; от репрессий к толерантности, от «кнута» к «прянику». Значительные колебания политических стратегий по отношению к многочисленным этническим и религиозным общинам были характерны для классических империй древности (Римская, Персидская, Византийская и др.) и для империй XVIII в. (Австро-Венгерская, Британская, Османская, Российская и др.).

Советская национальная политика была беспримерно противоречива и изменчива, поэтому при ее описании часто использовалась метафора «маятника». Использовал ее и я в своих публикациях [Паин 2004]. При этом образ «маятника» одни авторы применяли как метафору, а другие — в качестве объяснительной модели.

В 2017 г. группа петербургских политологов предложила свою гипотезу для объяснения механизма колебания «маятника национальной политики», понимая под ним следующее: *«“Мягкие” волны в национальной политике СССР (защита интересов меньшинств, своего рода мультикультурализм, или “коренизация”) чередовались с “жесткими” (ставка на русификацию), причем каждая новая волна выглядела как реакция на недостатки и “перегибы” предыдущей»* [Влияние внешней политики 2017, с. 99]. Эта гипотеза опирается на *«геополитическую теорию этничности»* американского социолога Р. Коллинза. *«Согласно этой теории, — пишут А. Щербак и др., — если в мирное время правительства готовы учитывать интересы меньшинств, то в периоды геополитического напряжения они стараются подчинить их интересам большинства, делая упор на национальное единение. Исходя из теории Коллинза, правомерно предположить, что “мягкие” волны национальной политики должны были приходиться на относительно мирные периоды советской истории, а “жесткие” — на периоды войн и конфликтов»* [Там же, с. 99–100].

Не берусь оценивать релевантность и информативность этой теории применительно к условиям каких-то мало известных мне стран, например Китая, который изучал Р. Коллинз [Collins 2004], но уж к истории Советского Союза она, безусловно, неприменима. Здесь задолго до войны завершилась «мягкая волна» (политика коренизации) и начались весьма жесткие, а точнее, жестокие массовые депортации граждан по этническому признаку. Как показывают исследования Павла Поляна, уже в 1928–1933 гг. проводилась массовая депортация финнов и ингерманландцев; в 1936-м — депортация поляков; в 1937 году началась тотальная депортация корейцев с Дальнего Востока и выселение курдов и иранцев из ряда районов Закавказья. Массовыми были и послевоенные депортации народов 1946–1953 гг., а именно: украинцев Западной Украины, венгров и немцев Закарпатья, народов Прибалтийских республик, этнических меньшинств Псковской области, мегрелов из Грузии и др. [Полян 2005]¹. Да и основные проявления «русификации» стали заметными как раз «в относительно мирные периоды советской истории», а в годы Великой Отечественной войны политика депортации народов (1941–1943 гг. и 1944 г.) соседствовала с политикой интернационализма, как низового, так и государственного. Последний проявился, например, в массовом продвижении меньшинств на командные позиции в армии и в оборонной промышленности.

Так, может быть, просто поменять местами периоды «мягких» и «жестких» волн и назвать довоенные и послевоенные времена «жестокими» по отношению к меньшинствам? Но и такая перестановка неадекватна реальной исторической ситуации, потому что каждый отдельный фрагмент истории СССР сочетал в себе политику обоих типов. Например, заметная русификация Казахстана (радикальное изменение этнического состава населения и быстрое вытеснение казахского языка русским) в послевоенный период, особенно во времена освоения Целины, сочеталась в это же время с новым этапом «коренизации» в других республиках, например в сибирских автономиях РСФСР, где проводилось продвижение на руководящие посты представителей национальных меньшинств, литературное оформление их национальных языков и поощрение издания книг, газет и журналов на этих языках.

Советская национальная политика изначально была противоречивой и подверженной значительным колебаниям в силу беспрецедентно больших возможностей проявления субъективизма, политического произвола в государственном управлении в условиях тоталитарного политического режима.

О природе и проявлениях сталинского антисемитизма не прекращаются научные дискуссии, но я ограничусь анализом лишь одной особенности сталинского антисемитизма как государственной политики — прагматизма этой политики, нетипичного для ксенофобии, которая, как правило, опирается

¹ См. также: [Советская национальная политика 2013].

на иррациональные эмоции. Немецкий историк Леонид Люкс отмечает, что в отличие от антисемита-фанатика Гитлера, для которого уничтожение евреев являлось абсолютным приоритетом, «Сталин был прежде всего “техником власти”. Он был способен сдерживать свою ненависть, если это обеспечивало ему сохранение деспотического господства» [Люкс 2008]. Этот прагматизм, на мой взгляд, и вызывал те трудно объяснимые перемены настроений Сталина к евреям в такой же мере, как и ко всем другим национальным меньшинствам.

Типичное меньшинство

Метафора «этнополитического маятника» хорошо отражает, на мой взгляд, перемены отношения Сталина к евреям, впрочем, в такой же мере, как и ко всем другим национальным меньшинствам. В 1920-х годах в СССР проводилась политика поддержки «ранее угнетенных народов», сформулированная Лениным и Сталиным. В период «большого террора» (1937–1938 гг.) этнополитический маятник качнулся в противоположную сторону — к подавлению этнических меньшинств. Проиллюстрирую эти циклы двумя примерами из истории евреев в СССР.

Еврейские национальные районы и сельсоветы. В Российской империи евреи не имели права заниматься сельским хозяйством. Согласно «Временным правилам» 1882 г., действовавшим до 1917 г., евреям запрещалось: селиться в сельской местности; приобретать или арендовать недвижимое имущество и земельные угодья вне местечек и городов в черте оседлости. Скученность населения в местечках-гетто становилась ужасающей, поэтому для евреев была благом открывшаяся возможность их обустройства на селе. В 1924 г. Советским правительством при финансовой помощи еврейской благотворительной организации «Джойнт» были организованы первые еврейские поселения-коммуны в Херсонской области, а в 1926-м — в степной части Крыма, в окрестностях Кривого Рога и Запорожья. В 1927–1930 гг. на этих землях были созданы еврейские национальные районы, в которых не только бытовое общение, но и делопроизводство, а также школьное обучение велось на еврейском языке идиш. В те же годы в СССР образовались десятки других национальных районов — польских, немецких, финских, болгарских и др. Они создавались трудно, годами, а ликвидированы были в одночасье и тотально. 17 декабря 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», под тем предлогом, что «многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями» [Борисенок 2015, с. 743–744].

Еврейский театр. Ненамного дольше просуществовал другой символ эпохи коренизации — Государственный еврейский театр (ГОСЕТ) — первый в мировой истории театр на языке идиш, субсидировавшийся государством.

Он был создан в 1919 г. в Петрограде, в 1920-м переведен в Москву; прославился в период, когда его возглавлял Соломон Михоэлс (1929–1948 гг.), народный артист СССР и лауреат Сталинской премии, но спустя год после убийства Михоэлса в 1948 г., в результате спецоперации МГБ, были ликвидированы как Московский ГОССЕТ, так и все еврейские театры в СССР — в Киеве, Харькове, Черновцах, Минске и др.

Коренизация, проводившаяся Сталиным, безусловно, не дает оснований для обвинения его в антисемитизме, напротив, в эту эпоху у евреев появилась невиданные возможности для самореализации не только в сфере сугубо еврейской жизни. Евреи как артисты и писатели, советские наркомы и военачальники, врачи, инженеры и ученые — такой массовости и таких возможностей для социальной мобильности евреев, разумеется, никогда не было в Российской империи; не появились подобные возможности и после эпохи коренизации. Репрессии 1937–1938 гг. тоже не свидетельствовали о политике антисемитизма, поскольку они не были этнически избирательными по отношению к евреям (в отличие от репрессий конца 1940-х гг.). Национальные районы и сельсоветы закрыли все без разбора; военачальников репрессировали, невзирая на их национальность, и по тому же принципу расстреливали членов Политбюро: евреев (Зиновьева и Каменева), как и русских (Бухарина и Постышева), поляка Косиора и украинца Чубаря. Историк Г. Костырченко в книге «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» полагает, что «до конца 1930-х годов никакой политики антисемитизма власть не проводила <...>, а процент среди репрессированных в процессах 1937–1938 года был не выше, чем среди других национальностей».

Большинство экспертов признаёт, что первые проявления сталинской политики антисемитизма проявились в 1939 году.

Сталинский НЭП

В мае 1939 г., готовясь к заключению договора с гитлеровской Германией, Сталин снимает М. Литвинова, многолетнего руководителя внешней политики СССР, с поста наркома по иностранным делам, во-первых как противника сближения Советского Союза с Германией и сторонника противоположной стратегии — «коллективной безопасности» как коалиции СССР с западными демократиями для противодействия гитлеровской агрессии; во-вторых, как еврея. Максим Литвинов (урожденный Меер Валлах) уже и по своей национальности не годился для переговоров с нацистами, открыто проводившими политику фанатичного расового антисемитизма. Место наркома занял В. Молотов, который так вспоминал об этих событиях: «В 1939 г., когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: ”Убери из наркомата евреев”» [Чуев 1991, с. 274].

Трудно назвать В. Молотова фанатичным антисемитом хотя бы потому, что он был женат на еврейке Полине Жемчужиной, но второй человек в Политбюро хорошо ощущал как веянья политической конъюнктуры, так и перепады настроения «Самого», поэтому чистку дипломатических рядов он начал, а спустя почти полвека оправдывал свои действия в беседе с писателем Ф. Чуевым: «Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно» [Чуев 1991, с. 274]. Вернувшийся из Москвы Риббентроп докладывал Гитлеру, что советское руководство проявило решимость покончить с «еврейским засильем», прежде всего среди интеллигенции.

Пакт с Германией о ненападении побуждал советское руководство в 1939 году начать кадровую чистку по этническому признаку. Поразительно, что и начавшаяся война с Германией породила, в какой-то мере, те же следствия, хотя и совсем по иной причине.

Первые месяцы войны, отступление Красной армии, дезертирство — все это подтолкнуло Верховного главнокомандующего к поиску новых идеологических скреп, взамен интернационализма, для идейной мобилизации войск и населения. К этому времени никакие идеологические ограничения не сдерживали Сталина — оппозиция из числа ленинской гвардии, следившая за соблюдением истинного марксизма, была разгромлена, сложившийся состав Политбюро признавал в качестве святыни любые идеи вождя, а сам он был тотально и глубоко беспринципным. Единственным «божеством», признаваемым диктатором, была «революционная целесообразность», при которой цель всегда оправдывает средства. Во имя такой целесообразности вождь готов был менять свои теоретически и идейные установки. Так или иначе, в 1941 г. Сталин позволил себе в очередной раз круто поменять свою риторику, используя те идеи, с которыми еще недавно сам же и боролся. Если в период «коренизации» Сталин провозглашал необходимость борьбы *«с пережитками великодержавного шовинизма, являющегося отражением бывшего привилегированного положения великорусов»*, то с началом войны он стал опираться и на великодержавие, и на принципы иерархии народов во главе с русским народом как «старшим братом» и «народом-организатором». ***Это был сталинский НЭП — Новая Этническая Политика, ориентированная на популизм в отношении к этническому большинству и на традиционалистскую риторику.***

Эти перемены хорошо известны, и я лишь кратко о них напомним. 3 июля 1941 года, в первом после нападения на СССР фашисткой Германией публичном выступлении вождя по радио, прозвучало необычное для коммунистического лидера обращение: «Братья и сестры!» В ноябре 1941 года Сталин с мавзолея призвал советских людей вдохновляться не только личностью Ленина, но и «мужественным образом наших великих предков» (терминология, как

в нынешней российской Конституции); в 1943 г. воинствующий атеист восстанавливает Московскую патриархию, и для участия в избрании патриарха освобождают из лагерей многих иерархов церкви. В мае 1945-го Сталин произносит знаменитый тост «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Довольно скоро диктатор показал, чего в действительности стоит его показное русофильство, инициировав в 1949 г. «Ленинградское дело» всего лишь за идею ленинградских партийцев создать в РСФСР такие же республиканские органы ВКП(б), какие уже были в других республиках.

В годы войны сугубо популистское возвеличивание «государствообразующего народа» (этот термин сегодня появился в российской Конституции) было воспринято партийной номенклатурой как сигнал для очередной этнической чистки кадров. 17 августа 1942 года начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров направил записку в секретариат ЦК, в которой критиковал «еврейское преобладание» в некоторых учреждениях культуры, требовал провести «обширную чистку». Он писал: «В течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии. В управлениях Комитета по делам искусств и во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи). <...> Не случайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиер, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своем репертуаре, главным образом, произведения западноевропейских композиторов» [Жданов, Маленков 2012]. Александров предлагал «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров» и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства» [Там же]. Правда, Гилельса с Ойстрахом и прочих, упомянутых начальником Агитпропа музыкантов, так и не удалось заменить, но кадры руководителей творческих организаций основательно почистили, несмотря на военное время. Но не только их. Секретарь ЦК партии по организационным и кадровым вопросам Г. Маленков осенью 1944 г. направил партийным организациям страны директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли «маленковским циркуляром». В нем перечислялись должности, на которые назначение людей еврейской национальности было нежелательным [Там же]. Одновременно вводились ограничения и на прием евреев в вузы [Батыгин, Девятко 1993, с. 65].

Впрочем, в годы войны антисемитизм служил лишь одним из многих инструментов в политике могущественного политического комбинатора. Это было «секретное оружие» (для «служебного пользования» партийных кадровиков и специальных служб), тогда как публично и демонстративно

провозглашалась ведущая роль страны Советов в поддержке евреев, подвергавшихся геноциду со стороны нацистов. Это пропагандистское направление использовалось для укрепления коалиции СССР со своими западными союзниками.

От пакта с Гитлером — к опоре на всемирную еврейскую солидарность

В июне 1941 г. М. Литвинова возвращают в наркомат иностранных дел СССР в качестве заместителя наркома и, одновременно, посла в США. В обязанность ему вменяют дипломатическое обеспечение налаживания взаимоотношений с союзниками. Сталин и на этом направлении радикально меняет свою риторику — он перестает использовать слово «демократия» в сугубо презрительной коннотации («демократия эксплуататоров») и подчеркивает необходимость сотрудничества с демократическими государствами Запада. В знаменитом обращении к советскому народу 3 июля 1941 года Сталин говорит: «Война Советского Союза за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы» (цит. по: [Сталин 1967, с. 9]). Готовность советского руководства опереться на всемирную еврейскую солидарность вступало в противоречие с фундаментальной догмой «великого учителя» о принципиальной невозможности этнической солидарности у евреев. В своей главной теоретической работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин писал: «...о какой общности судьбы и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?» [Сталин 1946, с. 299]. Но обстоятельства потребовали от вождя отступления от этого тезиса, и он легко отступил, как и во многих других случаях.

24 августа 1941 г. в Москве был проведен митинг видных представителей советского еврейства, который транслировался по радио. Деятели науки и культуры обратились к «братьям-евреям во всем мире» с призывом поддерживать Советский Союз в борьбе с фашизмом, и это послание было услышано, на него откликнулись видные представители еврейских организаций Америки, Великобритании и Палестины. Летом 1941 г. было принято решение создать Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) под эгидой Совинформбюро, один из руководителей которого, С. Лозовский, курировал ЕАК. С сентября 1941-го его председателем и публичным лицом стал Михоэлс.

Комитет был создан для оказания информационного воздействия на общественное мнение западных стран в целях политической и материальной поддержки СССР в войне с Германией. В феврале 1943 было организовано пропагандистское турне представителей ЕАК — Михоэлса и Фефера по США,

Мексике, Канаде и Великобритании. Их восторженно встретили в этих странах, и эта поездка, помимо идеологических дивидендов, позволила собрать 32,8 млн долларов на нужды фронта.

Время Великой Отечественной войны стало еще одним периодом высокой активизации и социальной мобильности советских евреев, разумеется той их части, которая не оказалась на оккупированной территории и в лагерях смерти. «Маленковский циркуляр» и другие секретные распоряжения партийной власти работали, очищали от евреев кадры дипломатического корпуса и спецслужб (кроме внешней разведки), но в военное время почти не затронули армию и оборонку. Министром оборонной промышленности был еврей Ванников, танковой — еврей Зальцман. Евреи были директорами крупнейших военных заводов, главным конструкторами в производстве новых вооружений — самолетов, танков, реактивных минометов и занимали ведущие позиции в «атомном проекте». На фронте представительство евреев в действующей армии было существенно выше их доли в населении страны: 501 тыс. военнослужащих примерно на 3 млн человек (имеются данные только по переписи 1939 г., без учета множества изменений, которые произошли к 1941-му). В годы войны десятки евреев-офицеров стали генералами. К 1945 году в Советской армии на 501 тысячу военнослужащих еврейской национальности насчитывалось 305 евреев в звании генералов и адмиралов [Шнеер 2005]. Для сравнения отмечу, что в армии США на 556 тысяч солдат-евреев приходилось 23 генерала и адмирала этой же национальности [Там же].

После окончания войны ситуация в Советской армии стала быстро меняться. Вот один из примеров. Генерал-лейтенант Арон Карпонос с 1942-го по 1946 г. занимал должность заместителя начальника Генерального штаба, и его коллега, генерал Штеменко, писал о нем так: «Это был настоящий генштабист — умный, очень трудолюбивый и исполнительный, вежливый, но твердый. <...> Но вот Верховный его очень не любил. Мы не раз с А. И. Антоновым слышали от Сталина нелестные отзывы о Карпоносове, хотя ему было известно, что дело свое тот ведет безукоризненно». Во время войны Сталин, не любя, терпел генерала Карпоносова, но сразу после окончания военных действий на Дальнем Востоке приказал убрать его не только из Генштаба, но и из Москвы — перевести в Поволожский округ. В угоду политической целесообразности Сталин умел сдерживать свои негативные эмоции, однако, когда обстоятельства позволяли, он с удовольствием удовлетворял свои прихоти. Вот и от Еврейского антифашистского комитета, изначально чуждого ему, и от его председателя С. Михоэlsa диктатор с удовольствием избавился после войны как от отработанного материала. Михоэlsa в 1948 г. устранили с помощью секретной операции, представив убийство как бытовой инцидент — наезд неизвестной, «тяжелой грузовой автомашины» (ныне информация об этой операции МГБ доступна всем), а ЕАК ликвидировали в 1949 г. демонстративно, показательно.

Великая Отечественная война закончилась, и почти сразу началась «холодная война» — вчерашние союзники быстро превратились во врагов. В таких условиях еврейские организации стали не просто ненужными, но и приобрели статус «пособников врага». 1946–1952 гг. стали временем наиболее полного проявления в СССР политики государственного антисемитизма — *дискриминации евреев в различных сферах жизни; репрессий против еврейских организаций и людей, являвшихся культурными символами советского евреев, а также формирования в массовом сознании негативного образа евреев как коллективного врага народа для запугивания им населения страны*. Вместе с тем, и в новых условиях политика государственного антисемитизма развивалась весьма своеобразно: то нарастая, то затухая. Эта политика продвигалась какими-то зигзагами, галсами, подобно паруснику, приспособляющемуся к перемене ветра.

Демонстративный антисемитизм и его примечательные перерывы

В начале 1946 г. М. А. Суслов, тогда заведующий внешнеполитическим отделом ЦК КПСС, пишет докладную записку своему куратору, секретарю ЦК А. А. Жданову, о Еврейском антифашистском комитете как о националистической организации («Комитет подспудно пропагандировал идею превосходства еврейской нации и был связан с зарубежной подрывной организацией “Джойнт”»). Руководству записка понравилась, через год Сусллова произвели в секретари ЦК, но принятие репрессивных мер к ЕАК, по его доносу, было отложено. Жданов в это время выдвинулся на вторую, вслед за вождем, позицию в Политбюро: с августа 1946-го он вместо Маленкова стал председательствовать на заседаниях Оргбюро ЦК, одновременно возглавив идеологическую работу в партии. В его подчинении (и в каком-то смысле, под его защитой) находилось и «Совинформбюро», внутри которого действовал и ЕАК. Еще важнее то, что в это время не только главному идеологу партии, но и самому генералиссимусу нужны были свежие устрашающе-объединяющие идеи, направленные на все общество, а не на какую-то отдельную этническую общность. Важнейшей из таких идей стала борьба с «космополитизмом». *Первоначально этот термин не имел этнической окраски — космополитами в то время партийные лидеры называли всех инакомыслящих*, точнее, ту часть советской интеллигенции, которая мечтала о либерализации политического режима и о сближении Советского Союза с демократическими государствами. Такие «космополиты» подлежали всеобщему осуждению за «низкопоклонство перед Западом». 14 августа 1946 года было принято Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором обличались «произведения, культивирующие

несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада».

Осуждение «низкопоклонства» было той «новой» идеей, которая рождалась из хорошо забытой старой, традиционной для Российской империи охранительной доктрины «казенного патриотизма», объявлявшего всякое инакомыслие угрозой Отечеству и следствием иноземного влияния. Всегда в России лишь один шаг отделял запугивание соотечественников происками иноземцев от массового притеснения местных инородцев (иноверцев), поэтому эпохи политической реакции сопровождалась подъемом антисемитизма: так было в правление Николая I, Александра III и Николая II. Эта закономерность проявилась и в Советском Союзе, обусловив постепенное соединение в пропагандистской риторике образа «гнилого интеллигента-космополита» со стереотипным образом евреев, сложившимся еще в Российской империи и широко тиражировавшимся до 1917 г. Это образ человека из «чуждого племени», враждебного русскому народу. По свидетельству бывшего заместителя министра МГБ М. Рюмина, в этом ведомстве уже с 1947 г. такой стереотип главенствовал, поэтому было принято считать всех евреев потенциальными «врагами народа». В том же году министр госбезопасности В. С. Абакумов доложил вождю о «сионистском заговоре», возглавляемом артистом Михоэлсом и направленном лично против вождя. Начались аресты среди деятелей еврейской культуры, которые должны были дать показания против Михоэлса и членов ЕАК. В январе 1948 года Жданов на совещании с деятелями культуры заявил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает потерять свое лицо, стать безродным космополитом». Уже в это время все было готово идейно и организационно к проведению показательного процесса против «деятелей еврейского буржуазного национализма, наймитов Запада». Но вдруг от «Хозяина» поступил сигнал «снизить обороты». Михоэлса в январе 1948 г. ликвидировали, но тайно, а членов ЕАК еще на год оставили на свободе; в прессе затихла не только антисемитская, но и антиссионистская кампания. Чем была обусловлена эта незапланированная «остановка по требованию»?

Первая остановка: израильский плацдарм

17 мая 1948 года Советский Союз первым в мире признал новое государство Израиль, несмотря на то что оно провозглашало идею сионизма (соединение всех евреев на исторической родине) в качестве государственной идеологии. Ленин считал, что «сионистское движение непосредственно гораздо более грозит развитию классовой организации пролетариата, чем антисемитизм». В Советском Союзе сионизм считался преступлением. Однако Сталин не раз позволял себе пренебрегать любыми идейными принципами в расчете

на конъюнктурные политические выгоды. В 1948 г. вождь надеялся, что новое государство, в котором главенствовала социалистическая Рабочая партия (МАПАЙ), может стать плацдармом СССР на Ближнем Востоке. Когда в мае Арабская лига начала военные действия против нового государства, Сталин решительно и определенно осудил арабскую сторону, и 30 мая 1948 года в редакционной статье в газете «Правда», одобренной накануне Оргбюро ЦК партии и лично вождем, была изложена позиция Кремля по этому вопросу: «Надо ясно сказать, что, ведя войну против молодого израильского государства, арабы не сражаются ни за свои национальные интересы, ни за свою независимость, но против права евреев создать свое собственное независимое государство. Несмотря на всю свою симпатию к движению национального освобождения арабского народа, советский народ осуждает агрессивную политику, вводимую против Израиля».

Выступая за права евреев на национально-государственное самоопределение, Сталин как бы отвергал свою же теоретическую концепцию о том, что евреи, не обладая «национальной связностью», не являются нацией, и в Советском Союзе они не считались нацией, дотягивая только до уровня народности. Однако во внешней политике все эти тонкости сталинской теории наций отбрасывались. Советский Союз поддержал Израиль не только дипломатически, но и вооружением, доставленным в эту страну через Чехословакию. В основном это было трофейное оружие, отремонтированное советскими специалистами, включающее 25 самолетов «Мессершмитт» (цит. по: [Феодосеев 2008]). Поставки оружия во многом помогли Израилю отстоять свою независимость.

В сентябре 1948 г. в Москву в качестве первого посла Израиля прибыла Голда Меир, которая была восторженно встречена советским еврейями. Полина Жемчужина, жена Молотова и бабушка нынешнего депутата В. Никонова, в беседе с израильским послом 8 ноября 1948 г. сказала: «Пусть у вас, Израиля, все будет хорошо. Если с вами все будет в порядке, то и у евреев во всем мире все будет хорошо» [Рарпорт 1992, с. 129]. Эта встреча с послом оказалась для Жемчужиной роковой, уже 29 января 1949 г. она была арестована и обвинена в «многолетней связи с еврейскими националистами».

«Безродный космополитизм» обрел национальность

В январе 1949 г. кампания борьбы с космополитами возобновилась с новой силой и теперь уже приобрела исключительно антиеврейскую направленность. 20 января куратор Еврейского антифашистского комитета и член ЦК ВКП(б) С. Лозовский был исключен из партии, а 26 января арестован вместе с 11 другими членами ЕАК.

28 января 1949-го «Правда» опубликовала редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Смысл этой статьи

хорошо передает, на мой взгляд, одна цитата: «А какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека...» Очень похожую мысль о недоступности понимания русской культуры людьми с такими фамилиями, как Ойстрах, Гилельс, Флиер, Фихтенгольц и др., излагал начальник Агитпропа Г. Александров еще в 1942 г. Однако тогда это писалось в закрытом письме, доступном только секретарям ЦК и членам Политбюро, а в январе 1949-го эта старинная антисемитская идея распространялась публично и широко через главную газету страны. В этой статье антипатриотами названы люди преимущественно с явными еврейскими фамилиями, но последней в списке стояла фамилия Холодов. Через пару дней газета «Культура и жизнь», орган ЦК ВКП(б), внесла ясность в список безродных космополитов, поставив после псевдонима Холодов настоящую его фамилию — Меерович. После этого газеты, центральные и городские, в Москве и в республиках, подхватили кампанию раскрытия псевдонимов писателей, журналистов, артистов, режиссеров — евреев по национальности. Фактически началась кампания тотальной травли евреев, сопровождавшаяся изгнанием их не только из редакций газет и журналов, но и из советских и партийных органов, вузов, академий наук и многих других государственных учреждений. Напомню, что в СССР почти все предприятия и учреждения были государственными.

Это было время, когда многие советские евреи ожидали того, о чем впоследствии писал поэт Иосиф Бродский, — своей депортации в Сибирь или в Казахстан, подобно той, которую пережили крымские татары или советские немцы. Не только евреи, но и другие советские граждане, не забывшие процессы 1937–1938 гг., могли ощущать приближение первого после войны крупного судебного процесса. Все было готово для показательного и устрашающего наказания главных космополитов: был написан сценарий процесса, и из большинства арестованных членов ЕАК были выбиты показания против себя. Пресса, от имени народа, требовала строгого наказания националистоз-шпионов. Однако диктатор вновь удивил даже ближайших своих сподвижников, взяв второй перерыв в кампании борьбы с «безродными космополитами» — суд над ними был отложен на три года. Возможно, так Сталин подтверждал свой образ «гениального вождя», действия которого недоступны пониманию простых смертных, в том числе и окружающей его серой массы придворных, слепых котят, как он их нередко называл. Чем непонятнее, загадочнее действия вождя, тем больше в него верила масса: «Верую, ибо абсурдно».

Вторая остановка: «Ленинградское дело»

В марте 1949 г., через три месяца после начала кампании разоблачения литературных псевдонимов, руководитель Союза советских писателей А. А. Фадеев сообщил писателю И. Г. Эренбургу о новой директиве Сталина:

«Раскрытие литературных псевдонимов недопустимо. Это пахнет антисемитизмом». Чтобы не пахло, исполнители воли вождя устранили «запах» антисемитизма, а политику антисемитизма сохранили, но она вновь, на какое-то время, перестала быть публичной. С середины 1949-го и до лета 1952 г. вся публичность сосредоточилась вокруг совсем другого процесса — «Ленинградского дела».

Головная часть многолетней и поэтапной чистки партийной номенклатуры Ленинграда, Ленинградской области и Карело-Финской ССР охватывала период с июля 1949-го по октябрь 1950 г. Только эта часть получила в материалах МГБ название «Ленинградское дело». Именно для него в 1950 г. была восстановлена смертная казнь, отмененная в 1947-м. Это было самое жестокое судилище послевоенного времени. По приговору «суда» было осуждено 214 человек, из них расстреляно — 26 человек и еще двое умерли в тюрьме. 69 человек, приговоренных к различным срокам наказания, начиная от 5 лет, были всего лишь родственниками обвиняемых, а среди них много стариков и детей.

Этот судебный процесс по своей абсурдности, на мой взгляд, превосходил все процессы довоенного времени. «Ленинградское дело» было сфабриковано наспех и очень грубо, я приведу только несколько примеров этого. Московских обвиняемых (А. А. Кузнецова, секретаря ЦК ВКП(б), Н. А. Вознесенского, Председателя Госплана и члена Политбюро, М. И. Родионова, председателя Совета Министров РСФСР (все выходцы из Ленинграда)) следствие объединило в общую «антипартийную враждебную группу» с руководителями ленинградской партийной организации, хотя ни одно из обвинений не указывало на какую-либо связь между ними. Первым в списке стоит следующее обвинение: «Проведение в Ленинграде без разрешения ЦК ВКП(б) Всесоюзной оптовой торговой ярмарки», но это мероприятие было связано только с решениями Родионова; другое обвинение — «Занижение планов хозяйственного развития страны в I квартале 1949 г.» — могло быть вменено в вину только Вознесенскому, а якобы сфальсифицированные результаты выборов руководящих партийных органов в ленинградской партийной организации на партийной конференции в декабре 1948 г., если бы оказались правдой, затрагивали только А. Кузнецова, как бывшего первого секретаря обкома, и сменивших его ленинградских партработников и совершенно не бросали тень на Вознесенского или Родионова.

Общим для жертв этого дела могло быть лишь то, что они все, в разное время и в разной форме, поддерживали идею, высказывавшуюся еще их покойным шефом Ждановым. Они все считали, что если в РСФСР есть свой Совет министров и Верховный Совет, то здесь могли бы быть созданы и республиканские органы ВКП(б), как в других республиках, а столицей Российской Федерации мог бы стать Ленинград. Эта идея не нравилась Сталину, и он считал это «русским сепаратизмом» и даже «русским национализмом». В обвинительном

заклучении этот сепаратизм формулировался в закамуфлированной форме как «линия на отрыв ленинградской парторганизации и противопоставление ее ЦК ВКП(б)». Ныне очевидно, что ни открытые, ни зашифрованные обвинения не дотягивали до расстрельной статьи «измена родине». Чем же тогда была вызвана жестокость наказания основных обвиняемых? Понятно, что Сталин не только утвердил, но и инициировал этот процесс. Как отмечает историк-архивист, ответственный секретарь комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий в СССР В. П. Наумов, «в эти годы Сталин перенес центр тяжести в системе руководства партией и страной на органы государственной безопасности. <...> Он решал, кого следует арестовать, готовил вопросы для следствия, определял меру физического воздействия на арестованных» [Наумов 1996, с. 153].

На мой взгляд, «Ленинградское дело» было поручено соорудить министру МГБ Абакумову по той причине, что Сталин, как главный режиссер-постановщик советских репрессий, считал, что мифические «русские сепаратисты» должны были быть расстреляны раньше столь же мифических еврейских националистов из ЕАК.

Последнее «дело» вождя

Судебный процесс над членами ЕАК возобновился в мае 1952 года. Процесс не стал показательным, его проводили тайно в здании Военной коллегии Верховного суда. Большинство подсудимых, выступая на суде, отказались от признательных показаний, но публика этого не услышала, и обреченных наказали жестоко: всего было репрессировано 125 человек, в том числе 13 чел. расстреляли и еще 20 чел. приговорили к максимальному сроку заключения (25 лет); 6 человек погибли до суда в ходе допросов. Тем не менее пропагандистских дивидендов процесс не собрал. Пропагандистская шумиха затевалась вокруг другого процесса в кампании борьбы с космополитами — «дела врачей-убийц».

Всего за два месяца до смерти Сталина (в январе 1953-го) была арестована группа известных московских врачей (М. С. Вовси, Б. Б. Коган, А. И. Фельдман, А. М. Гринштейн, Я. Г. Этингер и др.), евреев по национальности, которые были обречены Сталиным на показательную кару. Еще до суда в Кремле было сформулировано обвинение, одобренное 9 января 1953 г. на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС и изложенное в редакционной статье в «Правде» от 13 января 1953 г. Статья, как и правительственное сообщение, делала акцент на сионистском характере террористической группы, *завербованной «филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”*». Объявленная народу легенда гласила, что врачи-убийцы, по заданию врага, должны были сводить в могилу

видных деятелей партии и правительства путем неправильного их лечения. Если кампания против театральных критиков вызвала массовый подъем ксенофобии, то не стоит удивляться взрыву ксенофобии, вызванной сообщениями об «убийцах в белых халатах» — это выражение стало популярным мемом в начале 1953 г. Антисемитизм разжигали и массово высыпавшиеся в советской прессе конъюнктурные фельетоны о евреях, и не только о врачах, но и обо всём порочном народе. Самый знаменитый фельетон такой направленности — «Пиня из Жмеринки» писателя Ардаматского — был опубликован в журнале «Крокодил» в марте 1953-го. Последствия это «дела» могли стать еще более трагичными, но крупный показательный процесс по «делу врачей» не состоялся: режиссер-постановщик умер.

О сценарии «управляемой нетерпимости»

Многие считают антисемитизм разновидностью ксенофобии (юдофобией), я же уверен, что такая оценка не всегда верна. Вне зависимости от того, была или не была присуща лично Сталину юдофобия, его национальную политику, в том числе и по отношению к евреям, на мой взгляд нельзя свести к проявлениям ксенофобии, во всяком случае в том понимании этого явления, которое сложилось в социальной психологии. Здесь под ксенофобией понимаются **иррациональные неконтролируемые** страхи и предубеждения по отношению к чужим. Сталинский антисемитизм был совсем другим — осмысленным, контролируемым и прагматично коварным. Диктатор использовал этот инструмент политики в определенные исторические моменты и мог, по своему усмотрению, останавливать и возбуждать антисемитские кампании. Такая политика не была узко направленной на какую-то одну этническую общность и предполагала возможность репрессий против любой этнополитической группы, включая и «русских националистов». В 40–50-х гг. масштабным, массовым репрессиям подверглись балкарцы, калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары, поволжские немцы и многие другие народы. Их образы целенаправленно демонизировались в массовом сознании жителей СССР. При этом нет никаких свидетельств, что Сталин испытывал к этим народам личные чувства ксенофобии, да и вообще какие-либо чувства. Как говорят герои фильмов о гангстерах, «не было ничего личного, только бизнес». Для диктатора — это был политический бизнес, ради которого он мог отступить от любых идейных, не говоря уже об этических, принципов. Другое дело, что политическая прагматика верхов неизбежно оживляла накопившиеся стереотипы, ксенофобию в массовом сознании. В этом случае фобии по отношению к евреям, разжигаемые со времен Российской империи, распространились быстрее и шире, чем другие, в СССР. Как только государственный антисемитизм ослабел в постсоветской России, то и массовая ксенофобия к евреям стала

слабеть. Начиная с 90-х гг. и по сей день евреи входят в группу этнических общностей с наименьшей культурной дистанцией по отношению к русскому большинству населения страны [Паин 2019].

Список литературы

- Батыгин, Девятко 1993 — *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Еврейский вопрос: хроника сороковых годов. Ч. 1 // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 1. С. 61–72.
- Борисенок 2015 — *Борисенок Е. Ю.* Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М. : Институт славяноведения РАН, 2015. 951 с.
- Влияние внешней политики 2017 — Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 3 (86). С. 99–116.
- Жданов, Маленков 2012 — *Жданов А. А., Маленков Г. М.* Сталин и космополиты : сборник документов [Электронный ресурс]. М. : Алгоритм, 2012. 256 с. URL: http://thelib.ru/books/g_m_malenkov/stalin_i_kosmopolity_sbornik-read-2.html (дата обращения: 05.05.2021).
- Люкс 2008 — *Люкс Л.* Антисемитизм в политике Сталина [Электронный ресурс] / пер. с нем. Б. Хавкина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2008. № 2. С. 32–72. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss10/3LuksFR10.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
- Наумов 1996 — *Наумов В. П.* К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 147–168.
- Паин 2004 — *Паин Э. А.* Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М. : Ин-т социологии РАН, 2004. 328 с.
- Паин 2019 — *Паин Э.* «Чужой» в политике, «свой» в быту: о влиянии социально-культурной дистанции на формирование образа народа-врага [Электронный ресурс] // МБХ медиа. 27.11.2019. URL: <https://mbk-news.appspot.com/sences/chuzhoj-v-politike-svoj-v-bytu/> (дата обращения: 05.05.21).
- Полян 2005 — *Полян П. М.* Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М. : Международный фонд «Демократия» : Материк, 2005. С. 5–19.
- Советская национальная политика 2013 — Советская национальная политика: идеология и практики 1945–1953 / сост. Л. П. Кошелева, О. В. Хлевнюк (отв. сост.), В. Дённингхаус и др. М. : РОССПЭН, 2013. 950 с.
- Сталин 1946 — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. Т. 2. М. : ОГИЗ ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 290–367.
- Сталин 1967 — *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2 (15) : 1941–1945. Stanford (Calif.) : The Hoover institution on war, revolution and peace, Stanford university, 1967. 220 с.
- Феодосеев 2008 — *Феодосеев С.* Оружие для Земли обетованной // Вокруг света. 2008. № 5 (2812). С. 154–168.
- Чуев 1991 — *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М. : Изд. центр «Тerra», 1991. 604 с.
- Шнеер 2005 — *Шнеер А. И.* Евреи-военнослужащие в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] // Шнеер А. И. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2005. Т. 2. Ч. 1. Гл. 3. URL: https://netzulim.org/R/OrgR/Library/Shneer/Shneer_Plen/glava3kr_ar%5B2%5D.htm (дата обращения: 05.05.2021).
- Collins 2004 — *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2004. 439 p.

Rapoport 1992 — *Rapoport L. Hammer, Sichel, Davidstern: Judenverfolgung in der Sowjetunion*. Berlin : Links, 1992. 334 s.

References

- Batygin, G. S. and Devyatko, I. F. (1993), “The Jewish Question: A Chronicle of the Forties. Part 1”, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 63, no. 1, pp. 61–72 (in Russian).
- Borisenok, E. Yu. (2015), *Kontseptsii «ukrainizatsii» i ikh realizatsiya v natsional'noi politike v gosudarstvakh vostochnoevropetskogo regiona (1918–1941 gg.)* [The concept of “Ukrainianization” and their implementation in national policy in the states of the Eastern European region (1918–1941)], D. Sc. Thesis, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, 951 p. (in Russian).
- Chuev, F. (1991), *Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva* [One hundred and forty conversations with Molotov. From the diary of F. Chuev], Terra, Moscow, 604 p. (in Russian).
- Collins, R. (2004), *Interaction Ritual Chains*, Princeton University Press, Princeton, Oxford, 439 p.
- Feodoseev, S. (2008), “Weapon for the Promised Land”, *Vokrug sveta*, no. 5 (2812), pp. 154–168 (in Russian).
- Kosheleva, L. P., Khlevnyuk, O. V., Denningkhaus, V., Kadio, Dzh., Prozumenshchikov, M. Yu., Rogovaya, L. A. et al. (eds.) (2013), *Sovetskaya natsional'naya politika: ideologiya i praktiki 1945–1953* [Soviet National Policy: Ideology and Practices 1945–1953], ROSSPEN, Moscow, 950 p. (in Russian).
- Luks, L. (2008), “Zum Stalinschen Antisemitismus — Brüche und Widersprüche”, translated by Khavkin, B., *Forum noveishei vostochnoevropetskoi istorii i kul'tury. Russian edition*, no. 2, pp. 32–72, available at: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss10/3LuksFR10.pdf> (accessed 05 May 2021) (in Russian).
- Naumov, V. P. (1996), “On the history of the secret report of N. S. Khrushchev at the 20th Congress of the CPSU”, *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 147–168 (in Russian).
- Pain, E. A. (2004), *Etnopoliticheskii mayatnik: dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetskoi Rossii* [Ethnopolitical pendulum: dynamics and mechanisms of ethnopolitical processes in post-Soviet Russia], Institute of Sociology RAS, Moscow, 328 p. (in Russian).
- Pain, E. (2019), “Chuzhoi” v politike, “svoi” v bytu: o vliyaniy sotsial'no-kul'turnoi distantsii na formirovanie obraza naroda-vraga [“Alien” in politics, “own” in everyday life: on the influence of socio-cultural distance on the formation of the image of the enemy people], *MBKh media*, 27 November, available at: <https://mbk-news.appspot.com/sences/chuzhoj-v-politike-svoj-v-bytu/> (accessed 05 May 2021) (in Russian).
- Polyan, P. M. (2005), Deportations and ethnicity, in A. N. Yakovlev (ed.), *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953], International Fund “Democracy”, Materik, Moscow, pp. 5–19 (in Russian).
- Rapoport, L. (1992), *Hammer, Sichel, Davidstern: Judenverfolgung in der Sowjetunion*, Links, Berlin, 334 s.
- Shcherbak, A. N., Gerina, Ya. Ya., Berdyuzhenko, D. A., Mendygaliyeva, A. B. and Zaitseva, A. V. (2017), “Impact of foreign policy on the national policy of the USSR”, *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 3 (86), pp. 99–116 (in Russian).
- Shneer, A. I. (2005), “Jewish servicemen during the Great Patriotic War of 1941–1945”, in Shneer, A. I., *Plen: sovetskie voennoplennyye v Germanii, 1941–1945* [Captivity: Soviet prisoners of war in Germany, 1941–1945], Mosty kul'tury, Moscow, Gesharim, Jerusalem, available at: https://netzulim.org/R/OrgR/Library/Shneer/Shneer_Plen/glava3kr_ar%5B2%5D.htm (accessed 05 May 2021) (in Russian).
- Stalin, I. V. (1967), *Sochineniya. Tom 2 (15), 1941–1945* [Works, Vol. 2 (15), 1941–1945], The Hoover institution on war, revolution and peace, Stanford university, Stanford (Calif.), 220 p. (in Russian).
- Stalin, I. V. (1946), “Marxism and the national question”, in Stalin, I. V., *Sochineniya, v 13 tomakh. Tom 2* [Works, in 13 vols, Vol. 2], OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, pp. 290–367 (in Russian).

Zhdanov, A. A. and Malenkov, G. M. (2012), *Stalin i kosmopolity: sbornik dokumentov* [Stalin and the Cosmopolitans: A Collection of Documents], Algoritm, Moscow, 256 p., available at: http://thelib.ru/books/g_m_malenkov/stalin_i_kosmopolity_sbornik-read-2.html (accessed 05 May 2021) (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 11.05.2021

Принята к публикации / Accepted: 25.05.2021

Информация об авторе

Паин Эмиль Абрамович
доктор политических наук, профессор,
профессор-исследователь
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000 Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: epain@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8796-187X

Information about the author

Pain, Emil Abramovich
D. Sci. (Political Sciences), Professor,
Professor-Researcher
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow,
101000 Russia
E-mail: epain@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8796-187X